

— Володя, так что все-таки с тобой случилось!

— Был на гастролях в Германии. Возвращался с концерта. Прекрасная машина, прекрасная дорога, прекрасный зимний день. И вдруг метров триста гололеда. Врезались в дерево. Двое погибли. Я с тяжеленными переломами ног пять месяцев лежал на спине. Сейчас начал ходить на работу.

— Ты не понял мой вопрос. Я не про аварию. Я как раз насчет «ходить на работу».

— Ну в наш Московский театр пародий.

— Вот об этом и речь. Ты всегда был любимым, преуспевающим артистом. Прекрасное «соло». Ни от кого не зависел, ни в ком не нуждался. Так что с тобой случилось! Зачем тебе понадобилось создавать театр! Ведь я хорошо представляю, с какими невыносимыми хлопотами это связано.

— Понимаешь, это начало происходить давно, исподволь. Сначала я и сам не заметил, что стал потихонечку превращаться в «театр». Ну, просто прискучило пародировать всего лишь отдельных актеров. То есть от «монологов» потянуло к более широкому действу. Стал пародировать жанры — оперу, оперетту, народное творчество. И, естественно, начал двигаться по сцене.

— Да, я помню — появились мизансцены.

— Обижаешь, начальник! Мне-то тогда казалось, что появились целые маленькие спектакли.

— Это тебе казалось.

— Правильно! Но довольно быстро перестало «казаться». И я понял, что нужен маленький, но театр.

— Эстрадный театр — громоздкое, очень «разношерстное» дело. Как правило, это сводилось к сочетанию номеров солистов с каким-нибудь банальным связующим «ходом».

— Так я ведь пригласил единомышленников. То есть молодых выпускников факультета музыкальной ГИТИСа, который и я закончил. То есть у нас идея работы общая и стилистика вырабатываем вместе. Первое условие — мы должны уметь петь, говорить, танцевать. А если у человека все это есть, то он вполне может научиться делать пародию.

— Вы уже 6 лет вместе...

— И, поверь мне, результаты есть. Таня Масликова и Светлана Григорьева очень талантливы. Я не боюсь это говорить, поскольку это уже произошло. И потом, знаешь, они очень красивые, эффектные. Это важно. А то у иного пародиста вместо пародии получается противная карикатура. Причем карикатура на самого себя.

А Ефим Александров начал у меня работать еще студентом, это была его дипломная работа. Ты знаешь, он очень интересный актер, прекрасная фактура. И великолепный партнер.

И потом они же безо всякой пародии прекрасно поют, у них настоящие оперные голоса. У нас в театре есть и педагог по вокалу Марина Вульфсон.

— Ну это многовато. Эдак можно и «балетный класс» ввести.

— Что значит «ввести», когда он у нас есть. Мы не можем не «держать форму». Чтобы пародировать, надо быть еще резвей, чем пародируемый. Когда в фигурном катании артист изображает не умеющего стоять на коньках Чарли Чаплина, то это высший класс катания. Таня и Светлана в идеальной форме, им могут балерины позавидовать. Правда, Ефим любит вечером покушать. Но это вписывается

в его актерский «имидж». Он склонен к полноте, но очень подвижный, пластичный!

— А сам-то, сам-то! Ну просто статуэтка!

— Нет, я как погляжу, ты пришел меня унижать и топтать. А я, заядлый ты злопыхатель, как волчок, у «станка» кручусь. Я даже на госпитальной койке стараюсь следить за своей формой — режим! Более того, дорогой товарищ, я вам так скажу: когда театру понадобилось, я сбросил 20 килограммов веса.

— Ну успокойся, успокойся. Ишь, разволновался. За молодыми, дружок, тянешься!

— И тянусь! И это прекрасно!

Я, конечно, опытом с ними делюсь, подтягиваю их до определенного уровня. А они мне возвращают молодость — и на сцене, и в жизни. Я, знаешь, даже стал следить за своим внешним видом, за своей

Культивировать. — 1992. — 20 января. — С. 12.

ТАК ЧТО СЛУЧИЛОСЬ?

О том, как выводилась «тайна» популярного артиста

манерой одеваться, вести себя. Они, конечно, еще многому будут учиться, но они «не зашорены». И вот это их качество — для меня самое дорогое. У них свежий подход. Иногда даже чересчур свежий. Даже придерживать приходится... А может, и не надо придерживать? Может, я кое-чего накопил, чего и накапливать не стоило?

Молодость — прекрасный режиссер!

— Ну ты и сам-то неплохой режиссер.

— Спасибо, ты великодушный человек. Но, знаешь, я «режиссер поневоле». Да, я опытный актер, зрителя знаю и понимаю и постановщиком быть могу. Но так необходим «глаз со стороны». Нет, я не про няню, я про режиссера.

Понимаешь, эстрадные режиссеры увлеклись массовыми зрелищами — колонны людей, эскадроны коней, чуть ли не парашютисты. Режиссеры не видят артиста. А на эстраде главное — Его Величество Номер! А самому себе ставить номер очень трудно.

Я ведь пришел на эстраду «беспризорным». Все сам себе ставил. У меня не было режиссера, который воодушевился бы идеей, воплотил ее через меня.

Но тут есть и некоторый парадокс. Номер вроде бы и сделал, и выступаю с ним. А он годами складывается, «дозревает». Я, например, очень люблю монолог Арка. Арканова «Поэт». Так он у меня «завучал» только через 10 лет. Я вдруг его окончательно почувствовал, словно вдруг костюм пришелся по мерке. Это, кстати, очень интересный творческий процесс. Не случайно талантливые театральные актеры недолюбливают кино. Там уже ничего невозможно улучшить, «нажить».

И вместе с тем талантливый режиссер мог бы номер сразу полностью пустить в жизнь.

— Ну про репертуар не спрашивать! Не бередить!

— Береди!

Конечно, идеально, если один автор пишет тебе весь спектакль или всю программу. Вспоминаю как золотое время, когда это для меня делала Арка. Арканова и Аркадий Хайт. Дело даже не только в том, что они невероятно талантливы. Я с ними делал

цельную программу. Мы вместе воплощали замысел, вырабатывали стиль.

А сейчас авторы пишут монологи и сами же их читают. Во всяком случае, с финансовой точки зрения это объяснимо. Но в результате сейчас мне приходится быть и режиссером, и редактором, и как бы автором. А точнее, компилятором. Я складываю из самых разнообразных монологов программу и, редактируя, пытаюсь превратить ее в нечто цельное. На это уходит много сил. А мне ведь еще и артистом быть хочется, играть хочется.

— Володя, позволь мне злоупотребить нашими давними отношениями. У нас была молодость, но не было денег. Ну разве ты тогда не мечтал об отдельной квартире, даче, машине! О бурных аплодисментах при одном только появлении Винокура на сцене... Сейчас все это есть...

— Намек понял! Да, брюшко растет ведь не только снаружи.

Понимаешь, у меня нет возможности этим увлекаться. Наш театр не оставляет мне на то времени.

Я еще раз тебе напомним — работаю рядом с молодыми! Наверное, они тоже нынче мечтают о дачах и машинах. Но я этого не замечаю, они с таким азартом живут в искусстве. А мне ведь надо не подлаживаться к ним, а работать, держать темп, тонус. Даже когда я на заднем плане, как говорится, «в массовке». Они такие «темпахи», что с ними и в «массовке» не отдохнешь.

Ты знаешь, я буквально завтра опять ложусь в больницу. Врачи сказали, что рановато начал бегать. Так вот, поверь мне, я и в больнице буду «держаться форму». Чтобы поскорее восстановиться и выйти на работу в наш театр. Обратное, в молодость.

— Ну что ж, пожалуй, ты мне довольно понятно объяснил — «так что же произошло с Владимиром Винокуром!». Он счастлив Московским театром пародий.

— Если я стану делать пародию на тебя, то это будет «человек, который долго не мог понять очевидное».

— Ладно, ладно, выздоравливай!

Беседу вел
Эдуард ГРАФОВ.